

Стоило Лян Хаожаню перешагнуть порог задней двери класса для второго года старшей школы, как, вполне ожидаемо для него, Лу Юньцзэ сидел за своей партой с абсолютно прямой спиной.

Его белая, изящная рука с отчетливо выступающими костяшками сжимала черную гелевую ручку, которая быстро выписывала формулы на черновике.

Судя по густо исписанным шагам, он, должно быть, упорно штурмовал последнюю, самую сложную задачу по математике.

Лян Хаожань, вопреки всем своим привычкам, не стал к нему приставать и послушно вернулся на собственное место.

Впрочем, секунду назад ему безумно хотелось подкатить к нему с наглым вопросом: «Слушай, Лу-Шэнь, ты опять постигаешь дзен через учебу?», но слова, уже сорвавшиеся было с языка, пришлось насильно затолкнуть обратно.

— В классе ко мне не обращайся.

В памяти зазвучало холодное высочайшее повеление, оставленное кое-кем утром у лестницы.

Ничего не поделаешь, твой покорный слуга сегодня — образцово-показательный, рассудительный и послушный сосед по парте.

Лян Хаожань мысленно вручил себе медаль.

— Хао-цзы, ты этот сэндвич прямо сейчас распаковывать будешь?

Стоило Лян Хаожаню положить сэндвич на стол, как Пан Бо, знатный любитель поесть, тут же принялся и придвинулся ближе, словно пес, почуявший запах мяса.

Если бы Лян Хаожань сейчас кивнул, этот толстяк без малейших угрызений совести потребовал бы отдать ему добрую половину.

Судя по тому, как у него загорелись глаза, слюнки чуть не капали на парту.

— Спрячь свою слюну. Эта штука куплена не для меня, так что можешь даже не облизываться.

— А? Неужели не в твой собственный желудок? Кому же ты тогда его купил?

— Меньше болтай, одолжи стикер.

Лян Хаожань проигнорировал его расспросы, просто протянул руку ладонью вверх.

Пан Бо с озадаченным видом порылся в своем огромном пенале, оторвал желтый листок для заметок и протянул ему.

— Держи. Не, я еще не договорил, кому ты вообще собрался это преподнести?

— Толстяк, с твоим уровнем IQ о велосипеде можно даже не мечтать. Я с закрытыми глазами угадаю, кому Хао-цзы хочет это отправить.

Пэн Юй, развернувшись задом наперед к пустующему стулу Хэ Цы, положил руки друг на друга на спинку стула и наблюдал за представлением.

Лян Хаожань ничего не ответил, встал, вытащил из пенала шариковую ручку и размашистым почерком вывел на стикере несколько строк:

□Прости.

Искренние извинения от меня на сегодня.

Еда не виновата, не мори свой желудок голодом.

Обязательно съешь, пожалуйста.□

При этом слово «прости» он написал особенно крупно, так что оно заняло почти пол-листка. В конце концов, в этом и заключалась суть.

Закончив, он решительно шлепнул стикер прямо на упаковку сэндвича.

— Извиняешься так извиняешься, но что за чертовщина — «извинения на сегодня», ты что, на работу пришел и отметку ставишь? — съязвил Пан Бо.

Лян Хаожань снова проигнорировал реплику Пан Бо, развернулся и сунул сэндвич вместе с клубничным молоком прямо в руки Пэн Юю.

— Сбегай за брата, доставку выполни.

Раз уж Лу Юньцзэ отдал строжайший приказ «не разговаривать в классе», а злить его не хотелось, Лян Хаожань решил сегодня побыть послушным немым и строго соблюдать дисциплину.

— А соображалка у тебя работает, понимаешь, что такое важное задание нельзя поручать толстяку, а нужно доверить такому надежному человеку, как я. Глаз алмаз.

Пэн Юй принял еду, развязно ухмыльнулся, щелкнул пальцами и взял всё на себя:

— Можешь быть спокоен, это дело я беру на себя.

Этот парень хоть временами и болтун, но смекалка у него действительно отменная.

— Эй-эй-эй, вы двое, что за загадки тут загадываете? С каких пор вы начали исключать из компании брата? Кому и за что вы вообще собрались приносить извинения?

Пан Бо совершенно запутался из-за этих двоих и теперь крутился рядом, бормоча под нос словно потерянная муха.

Парта Лу Юньцзэ находилась по диагонали впереди Хэ Цы, через два ряда.

Пэн Юй проворно переставил ноги и в несколько шагов оказался у стола Лу Юньцзэ.

Пан Бо, неотступно следивший за передвижениями Пэн Юя, лишь теперь с опозданием сообразил, каков был конечный пункт назначения этого сэндвича и молока.

Он в ужасе придвинулся к уху Лян Хаожаня и, понизив голос до конспиративного шепота, пробормотал:

— Охренеть? Неужели это для Лу-Шэня? Хао-цзы, ты что, и вправду обидел его в столовой в обед? Совесть проснулась, и ты пошел покупать сладости, чтобы загладить вину?

Заметив боковым зрением какое-то движение, Лу Юньцзэ замер на полуслове, поднял голову и холодно окинул взглядом Пэн Юя.

Пэн Юй ни капли не испугался этого смертоносного взгляда, ухмыльнулся и аккуратно поставил сэндвич с клубничным молоком рядом с раскрытым черновиком Лу Юньцзэ.

После этого он с невероятно фальшивым пафосом приподнял руку и, словно официант в дорогом ресторане, эффектно указал в сторону Лян Хаожаня.

— Лу-Шэнь, это особая доставка с любовью от джентльмена вон оттуда, приятного аппетита.

...Ну и сволочь же этот Пэн Юй, лишь бы устроить представление, зачем добавлять всякую чушь!

—...

Лу Юньцзэ не удостоил Пэн Юя ни единым звуком, а вместо этого резко повернул голову, испепеляя Лян Хаожаня яростным, пронзительным взглядом.

В тот момент, когда их взгляды встретились, у Лян Хаожаня что-то щелкнуло в голове, и он поддался какому-то странному импульсу: подмигнул в ответ.

Сам не зная почему, подсознательно он чувствовал, что в такой момент просто необходимо ответить подобной наглостью.

Результат был предсказуем: Лу Юньцзэ замер так, будто среди бела дня увидел призрака или его ослепил яркий свет. Его красивое лицо мгновенно скривилось от отвращения, словно от кислого лимона, после чего он с силой отвернулся, оставив Лян Хаожаню лицезреть лишь свой затылок, на котором крупными буквами было написано: «У этого парня не все дома».

— Что ж, приятного аппетита, больше не смею мешать.

Курьер Пэн Юй картинно поклонился, изобразив шутовской поклон с воображаемым приподнятым цилиндром, и вполне довольный собой вернулся в тыл к последним рядам.

Едва усевшись, он подмигнул Лян Хаожаню, беззвучно артикулируя губами: «Ну как, моя импровизация тянет на десятку?».

С того момента, как Пэн Юй отступил на свое место, и вплоть до самого звонка Лу Юньцзэ сидел с окостенелой спиной, неподвижно уставившись на собственную парту.

Хотя из-за расстояния в несколько рядов Лян Хаожань видел лишь его спину и не мог разглядеть выражение лица, он мог бы поклясться даже мизинцем ноги, что настроение у этого юного господина сейчас было хуже некуда.

Пан Бо, вжавшись в стул, воровато зашептался с Лян Хаожанем:

— Какая к черту десятка! Хао-цзы, кажется, Лу-Шэнь и впрямь рассвирепел, от него убийственная аура до самого последнего ряда долетает, мамочки...

Даже такой толстокожий и общепризнанный слепец в плане атмосферы, как Пан Бо, смог заметить неладное...

Лян Хаожань мысленно вздохнул.

Неужели его тактика примирения дала обратный эффект и он снова наступил на мину?

По правде говоря, он считал, что в случившемся виноват в первую очередь тот дурачок Пэн Юй со своей самодеятельностью про доставку с любовью и пафосными манерами, но Лян Хаожань все же решил взять всю вину на себя и посвятил целых полминуты суровой самокритике.

И мысленно дал себе твердое обещание: завтра он абсолютно, непременно и обязательно избавится от этого раздолбайского и наглого вида, чтобы искренне и честно извиниться перед юным господином.

<http://bllate.org/book/19354/1892263>